

“ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ” КАК НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА

А.М. ЛИБМАН

Границы дисциплин и границы сообществ

(Два аспекта “экономического империализма”)

Дискуссии об “экономическом империализме” продолжают занимать и экономистов, и представителей других общественных наук, несмотря на то, что в самой экономической науке теория рационального выбора, лежавшая в основе экспансии этой дисциплины в 1980–1990-х гг., постепенно все больше дополняется поведенческой экономикой и экономическими экспериментами. Тем не менее, поскольку сложившийся в современной экономике стиль теоретизирования, предполагающий активное использование математических моделей, как правило, основанных на явном описании предпочтений индивидов, их оптимизации и поиске равновесий – остается привлекательным и для самих экономистов при исследовании неэкономических феноменов, и для представителей других наук, то сохраняется и предмет для дискуссии.

На мой взгляд, термин “экономический империализм” скрывает два качественно разнородных явления, с неизбежностью требующих обособленной оценки. С одной стороны, традиционно “экономическими империалистами” считают экономистов, пытающихся применить свой стандартный инструментарий к областям исследования других социальных наук. Тем не менее, хотя “экономические империалисты” этой группы и пересекают “предметные” границы своей дисциплины, они остаются частью своего “незримого колледжа” – сообщества экономистов-исследователей. Работы их публикуются в экономических журналах, читаются и рецензируются экономистами. Порой подобные исследования ведут к возникновению собственной “провинции” в “республике писем” экономистов (как это стало с политической экономией и теорией общественного выбора), но, в любом случае, они остаются частью экономики.

Совершенно другая ситуация возникает, когда методы экономического анализа пересекают не только тематические, но и институциональные границы дисциплин. Она тоже не редкость: сегодня на североамериканском континенте значительное число представителей школ права и факультетов политологии так или иначе придерживаются разных модификаций теории рационального выбора, “экономики и права”, а в исследованиях международных отношений огромную роль сыграли теория игр и неоинституциональная школа. “Нарушения границ” могут быть вызваны различными обстоятельствами: наймом выпускников экономических программ в качестве преподавателей неэкономических факультетов (как это нередко происходит с поли-

Либман Александр Михайлович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН, докторант Мангеймского университета (ФРГ).

тологами в США) или же непосредственной “миграцией идей”. В дальнейшем я буду говорить о “внешнем” империализме, в отличие от “внутреннего”, то есть связанного с расширением границ своих исследований представителями экономического сообщества.

С содержательной точки зрения “экономические империалисты” на факультетах экономики и факультетах общественных наук (за определенными оговорками, о которых речь пойдет далее) вполне могут производить практически идентичный “научный продукт”. Поэтому “распознать” экономистов и неэкономистов при чтении публикуемых ими работ непросто: эффекты “внутреннего” и “внешнего” экономического империализма сильно дифференцируются, если обратиться к точке зрения “экономики экономики”. Суть данного подхода (кстати, он и сам по себе прекрасный пример экономического империализма) – в анализе поведения исследователей с использованием инструментов экономического анализа прежде всего, при изучении структуры стимулов, определяющих инвестиции ученых и, за счет этого – продуктивность науки¹. С этой точки зрения “внутренний” империализм *создает стимулы для экономистов к содержательному расширению предмета исследований*; “внешний” империализм *стимулирует неэкономистов усваивать экономическую методологию*. Далее будут последовательно рассмотрены оба указанных эффекта.

“Внутренний” империализм

В принципе внимание исследователей, принадлежащих какой-либо дисциплине, к тематике смежных областей, – абсолютно неизбежно и ни в коем случае не является инновацией последних десятилетий. Более того, до конца XIX в. (а в Германии, Италии и Швеции с доминировавшей в этих странах “континентальной школой общественных финансов” – и до середины XX столетия [Blankart, 2008]) абсолютно все экономисты, наверное, могут считаться империалистами – просто из-за отсутствия “очерченных” привычным нам образом границ социальных дисциплин. Структура “троякого” разделения общественного знания между “политическими”, “экономическими” и “социальными” науками не столько задана объективно, сколько создана историческим развитием общественных наук Нового времени [Wallerstein, 2001]; границы дисциплин постоянно модифицируются и сдвигаются. Й. Шумпетер в первом издании своей “Теории экономического развития” (1912) отдельную (впоследствии исключенную) главу посвящает проблемам применения разработанного им подхода к внеэкономической сфере [Schumpeter, 2006]. Работы Р. Коуза, посвященные теории фирмы, выходили за рамки доминировавшего в тот период понимания экономики исследования рыночных взаимодействий, не рассматривающего происходящее внутри организаций, – хотя сегодня их едва ли можно назвать примером “империализма”.

Несмотря на свою неизбежность, “внутренний” империализм вполне может стать источником беспокойства. Создавая стимулы для повышенного внимания исследователей к “нетрадиционным” областям общественной жизни, он, в принципе, способен породить немало проблем:

1. *Незнание фактов*. Можно предполагать, что, говоря, скажем, о политике, экономисты элементарно пытаются строить свои рассуждения на основе крайне плохого знания реалий политических процессов или ограничиваясь крайне “стилизованными”

¹ Данное направление тесно связано с давно известным экстерналистским подходом к истории экономической науки [Гурова, 1998; 1999]. Следует иметь в виду, что “экономика экономики”, хотя и крайне полезна при понимании развития научного сообщества, не может заменить собой “содержательную” дискуссию о методологии исследований. Это четко показывают тупики развития “старшей сестры” “экономики экономики” – социологии науки, также представляющей собой попытку применения стандартных инструментов одной из общественных дисциплин – социологии – к анализу поведения ученых [Вахштейн, 2009]. Поэтому данный анализ может рассматриваться лишь как дополнительный к обсуждению собственно результатов и методов исследований.

фактами. Скажем, эмпирики-политологи (в том числе и работающие в области теории рационального выбора) нередко упрекают (причем вполне заслуженно) экономистов в крайне упрощенном понимании институциональных деталей политических систем. Естественно, в такой ситуации даже наилучшая методология не способна помочь изучению социальной реальности – или, следуя словам поговорки, “мусор на входе дает только мусор на выходе” (*garbage in – garbage out*).

Вне всякого сомнения, знание фактов нередко является проблемой построений “внутренних империалистов”. Однако не следует забывать, что, создавая стимулы к исследованию внеэкономических областей, империализм одновременно усиливает конкуренцию среди исследователей. Как я уже говорил, в области политической экономики на сегодняшний день сложился крупный рынок идей – со своими журналами, конференциями и множеством стремящихся к академической карьере молодых ученых. Между тем, чем более интенсивна конкуренция, тем сложнее игнорировать необходимость детального изучения фактов: с одной стороны, создается релевантная аудитория, способная “распознать” фактические ошибки исследователя, а с другой – усиливающаяся конкуренция стимулирует поиск новых тем, для которого “стилизованых” фактов недостаточно (особенно в свете бурного роста эмпирических исследований в современной экономике).

Хороший канал сокращения рассматриваемой проблемы – интернационализация дисциплины: уже сегодня в эмпирической экономике исследователи нередко выбирают темы и данные, так или иначе связанные со странами их происхождения (что, если подумать об объективно существующих сравнительных преимуществах, – весьма разумная стратегия). При этом надо понимать: именно всеобщность математического “языка” современной экономической теории сделала подобную интернационализацию возможной, поскольку резко снизились барьеры требуемого знания английского языка. Звучащие порой со стороны противников экономического империализма предложения по большему учету международного разнообразия и сравнительных исследований (за счет, скажем, замены в политологическом образовании в докторантурах США курсов математики и количественных методов курсами иностранных языков [Jacobsen, 2005]) на самом деле лишь ограничивают “доступ на рынок” для международных исследователей. Итак, породив на раннем этапе проблему знания фактов, экономический империализм сам же со временем ее ликвидирует.

2. *Незнание результатов.* Говоря об “экономическом империализме” исследователей XIX в. я несколько упростил ситуацию: дело в том, что в “осваиваемых” ими предметных областях нередко еще отсутствовали собственные исследовательские направления, обладающие своей системой теоретических и эмпирических результатов. В настоящее время ситуация явным образом изменилась. Теперь проблема “внутреннего империализма” – не только незнание фактов, но и незнание результатов, полученных представителями других дисциплин. Экономист, обращающийся, скажем, к той или иной области международных отношений, часто начинает свои исследования “с чистого листа”, не будучи осведомлен о существовании в этой области обширной конструкции, “сооруженной” политологами-международниками. А в результате полученные им результаты оказываются попросту повторениями уже известных выводов (а порой – уже отвергнутых заблуждений).

Впрочем, данную проблему также не следует переоценивать. Если допустить, что используемая экономистами методология принципиально адекватна той тематической области, к которой они обращаются (мы более подробно обсудим этот вопрос далее), то рано или поздно, пусть даже и с использованием другой терминологии, экономический империализм сможет, как минимум, воссоздать результаты других областей. Естественно, этот путь развития науки далек от оптимального просто в силу значительной затраты усилий на повторение. Однако подобные проблемы нередко свойственны общественным наукам и без всякого “империализма” (скажем, “воспроизводство” результатов, ранее полученных и опубликованных на иностранных языках, или “циклы

забвения” в самих социальных науках)². Возникшая ситуация, сколь бы неприятна она ни была представителям “игнорируемых” дисциплин, лишь временная трудность на пути развития науки.

К тому же нельзя забывать, что экономический империализм, как правило (хотя и не всегда), предполагает не просто воспроизводство результатов других наук экономистами, а разработку качественно иной методологии. Если в таком случае экономическая наука получает выводы, идентичные результатам других дисциплин и кажущиеся с этой точки зрения – или даже, исходя из здравого смысла, – тривиальными, это ни в коем случае нельзя считать негативным явлением. В научном исследовании в принципе не существует понятия “тривиальных” результатов; даже самое очевидное, на первый взгляд, утверждение нуждается в доказательстве и тестировании на основе строго определенных методов. Дополнительное подтверждение теоретических выводов или эмпирических закономерностей – позитивная тенденция.

3. *Неадекватность методологии.* Сказанное выше справедливо лишь тогда, когда инструментарий “империализма” *принципиально адекватен* той области, к которой он применяется. В противном случае вполне возможно формирование “туника” в развитии экономической науки, постоянно воспроизводящего неверные или сомнительные выводы. То, что современное функционально дифференцированное общество может нуждаться в различных подходах и инструментах исследования, адаптированных к конкретной сфере взаимодействия [Олейник, 2008], ограничивает применимость стандартной экономической теории рационального выбора, скажем, к политике или культуре. Между тем, именно вывод о ценности дополнительных подтверждений нередко подвергается сомнению. Впрочем, на мой взгляд, и в данном случае ситуация далеко не так проста.

Прежде всего тот факт, что в экономической науке теория рационального выбора получила значительное распространение, еще не означает, что этот подход в наибольшей степени адекватен именно анализу того, что традиционно называется “экономической” сферой общества. С одной стороны, работы представителей неортодоксальных школ переполнены примерами “нарушения” постулатов теории рационального выбора на рынках, то есть на самой “традиционной” территории экономической науки. С другой стороны, сам по себе факт способности людей хотя бы *в определенных ситуациях* принимать рациональные решения, едва ли подлежит сомнению (и едва ли стоит сводить *все* человеческое поведение к следованию нормам или эмоциям).

На мой взгляд, в некоторых сферах “экономического империализма” предположение о рациональности и эгоистичности (в самом примитивном понимании) человеческого поведения может быть даже более оправдано, чем при изучении собственно “экономических явлений”. *Homo economicus*, как представляется, гораздо “уютнее” чувствовал бы себя в сфере политического лоббирования, чем на локальных рынках потребительских товаров (которые чаще всего приводят как пример “максимального приближения” к модели совершенной конкуренции и которые на практике управляются сложной сетью социальных норм и правил) или во внутрикорпоративной иерархии (пронизанной порой совершенно иррациональным соперничеством за власть и влияние). К тому же, если внимание экономистов и социологов сосредоточено на менее развитых (“неевропейских”) обществах, где разграничение функциональных сфер очень часто слабо выражено или попросту отсутствует, то это, естественно, препятствует четкому разграничению областей исследований (скажем, стоит ли разделять политический и экономический аспекты российской трансформации?).

Далее, теория рационального выбора, как уже неоднократно отмечалось [Тамбовцев, 2008], заметно сложнее ее примитивного образа в глазах некоторых критиков. По сути, “экономический подход” в самом общем виде можно свести к предположе-

² Данный факт получил отражение в развитии двух альтернативных подходов к истории науки: “историцистского”, фиксирующего значимые достижения, и “презентистского”, фиксирующего влияние работ на дальнейшее развитие дисциплины. Анализ российской экономической мысли с этой точки зрения дается в [Полетаев, 2008].

нию о существовании у индивида сколь бы то ни было устойчивой функции полезности, позволяющей ему в условиях выбора сопоставлять альтернативные выгоды и издержки различных вариантов (вполне возможно, на основе несовершенной информации) [Олейнов, 2009]. Никаких утверждений о структуре этой функции полезности экономисты обычно не делают; при необходимости ее элементом вполне могут оказаться и престиж, и стремление к власти, и любые другие аспекты [Moav, Neeman, 2009]. Другое дело, что иногда исследователи стремятся, согласно “бритве Оккама”, не увеличивать число сущностей и обходиться без модификаций функции полезности (а одно из важнейших предложений Г. Беккера и Дж. Стиглера состоит в целесообразности варьировать в анализе допущения о ресурсах, доступных игрокам, а не о предпочтениях игроков)³. Впрочем, никаких принципиальных ограничений в данном случае нет.

Естественно, утверждение о существовании устойчивых и неизменных предпочтений далеко не всегда соответствует действительности [Урнов, 2009]. Однако отказ от этого допущения ведет к важным методологическим последствиям: в принципе, *любые* изменения человеческого поведения могут быть в этой ситуации объяснены изменениями предпочтений. Иначе говоря, речь идет об одном из объясняющих конструкций⁴, при последовательном применении “закрывающих” возможности для любых дальнейших исследований и дающих универсальное и неоспоримое объяснение всех эмпирических фактов (тем более, что предпочтения игроков принципиально ненаблюдаемы – нам известен лишь выбор, основанный на предпочтениях) [Schneider, 2007]. К тому же современная экономика вообще не нуждается и в допущениях о *существовании* предпочтений (хотя они позволяют сделать больше выводов относительно структуры человеческого поведения), ограничиваясь эмпирически тестируемыми выводами относительно *выбора* (слабая аксиома предельной полезности, закон спроса) [Mas-Colell, Whinston, Green, 1995].

Наконец, если классический “экономический империализм” Беккера и сводился к простому применению теории рационального выбора к внеэкономическим феноменам, то в принципе речь идет о гораздо более сложном явлении. Наиболее успешная отрасль “империализма” – политическая экономика – в работах своего основателя Дж. Бьюкенена основана на качественно иных предпосылках (наука об обмене, а не о выборе), чем теория рационального выбора Л. Роббинса (даввшего определение экономики, которое легло в основу “империализма” [Robbins, 1945, ch. 1]), и лишь со временем приближается к стандартной парадигме экономической теории [Marciano, 2007; 2009]. Другие отрасли “империализма” – скажем, теория общественного выбора, дали толчок проникновению в экономическую науку более детального анализа институтов [Uhden, 1995].

Еще сложнее ситуация с современным “империализмом”. В настоящее время предметная экспансия экономической науки – один из важнейших факторов, способствующих изменениям в самой структуре экономического познания: росту влияния экспериментальной и поведенческой экономики, экономики счастья и эволюционной теории игр, других нетрадиционных подходов. В результате можно говорить о серьезном изменении облика самой экономики – и, соответственно, ее экспансии в другие предметные области [Aspers... 2008]⁵. Речь идет о своеобразном “понимающем” империализме: проникновение в новые области исследования совмещено с модификацией и изменениями исследовательского инструментария – при сохранении, впрочем, ба-

³ См. об этом [Lawson, 2004].

⁴ К числу подобных конструктов можно отнести и “обусловленность развития стран культурными особенностями”.

⁵ Многие разделы поведенческой экономики – например, теория “множественных личностей” (*multiple selves*) – направлены именно на разработку методов анализа изменения предпочтений, не позволяющих попасть в ловушку тривиальных результатов [Read, 2008]. А поведенческая теория благосостояния и экономика счастья формулируют нормативные критерии для экономической политики, допускающие возможность “ошибочных” иррациональных выводов индивида [Bernheim, Rangel, 2008].

зовых элементов когнитивного стиля экономической науки [Гуриев, 2008]⁶. А с этой точки зрения империализм не только не сталкивается с проблемой неадекватности методологии, но выступает фактором, содействующим прогрессу экономической науки в целом.

Впрочем, даже если *тематика* других дисциплин и не препятствует внедрению экономических методов, вполне может оказаться, что проблемой является *качество данных*. Конечно, это касается области эмпирических исследований, основанных на эконометрике; теоретическая математическая модель может, как и вербальная, носить “принципиально непроверяемый характер” (другой вопрос – в чем польза подобного теоретизирования, но проблемы данного рода типичны для всех без исключения общественных наук). Эконометрическая методология успешно может применяться в ситуации, когда исследователю доступны большие массивы количественной информации высокого качества (классический пример – финансовые рынки). В то же время в других сферах данные могут носить фрагментарный характер или вызывать сложности при количественной оценке (и нуждаться, прежде всего, в качественной дискуссии). Нельзя сказать, что экономисты не понимают этого; не случайно многие теоретики, работающие в области политической экономики, приветствуют проведение детальных анализов конкретных случаев. Однако *система стимулов* экономической профессии способствует тому, что исследователи нередко полностью отказываются от обсуждения отдельных тем, если они не удовлетворены качеством данных. Это по определению ограничивает экспансию “внутреннего” империализма, но также не является проблемой (во всяком случае, до тех пор, пока стремление к использованию методов эконометрики не ведет к попыткам использования данных низкого качества или примитивной квантификации) – хотя бы в силу существования других дисциплин.

4. *Отток ресурсов из “коренных” областей экономических исследований*. Пристальное внимание экономистов к “нетрадиционным” областям вполне способно, просто в силу ограниченности человеческих ресурсов, привести к дефициту исследований в областях “традиционных”. Хотя иногда утверждения о переизбытке “странных” тем в научных журналах и звучат из уст экономистов [Балацкий, 2006], внимание к этой проблеме все же несопоставимо меньше, чем к трем перечисленным ранее. На сегодняшний день экономическая наука все еще страдает от перепроизводства исследователей, рост конкуренции на рынках труда в академической сфере (причем сокращение общего числа студентов-экономистов за счет роста внимания к изучению бизнеса) не меняет этого факта. Спрос на докторантские программы в области экономики очень велик, причем не только у выходцев из экономических факультетов, но и у математиков; правда, и сама экономика подвергается “агрессии” со стороны других “перенаселенных” сообществ – прежде всего, физики. Поэтому “традиционным” областям экономической науки в настоящее время мало что угрожает. Вместе с тем гипотетическую “пустоту”, если она когда-либо (крайне маловероятном) будущем и возникнет, вполне способны заполнить представители, скажем, экономической социологии или эконофизики в рамках собственного – уже “внешнего” – империализма.

Впрочем, постепенную миграцию исследователей от одной темы к другой можно считать естественным явлением – хотя бы в силу реального прогресса дисциплины и накопления знаний в “традиционных” областях. Здесь, по всей видимости, реальный вопрос связан с “альтернативными траекториями” развития экономических исследований. Традиционно экономическая наука функционировала как дисциплина, изучающая определенные типы реально существующих институтов (прежде всего, рынки) на основе определенных допущений относительно человеческого поведения с использованием определенной методологии.

По мере развития науки все чаще наблюдаются “сдвиги” в сторону более пристального внимания к одному из элементов этой триады в ущерб остальным. Скажем, многие разделы экспериментальной экономики концентрируют внимание на анализе

⁶ Впрочем, в “достаточности” трансформации экономической науки можно усомниться [Радаев, 2008].

адекватности допущений относительно человеческого поведения и простейших форм взаимодействия в лабораторных условиях, уделяя при этом меньше внимания изучению (более сложных) реальных институтов, по определению не воспроизводимых в лаборатории. Напротив, в эконометрических эмпирических исследованиях все чаще появляются работы, в которых основное внимание сосредоточено не на изучении какой-то предметной области, а на апробации новых методов с использованием “доступных” баз данных – по большому счету, без особого интереса к содержательному результату.

Классический экономический империализм предлагает третий путь: внимание к более широкому спектру институтов (более того – к явному учету проблемы разнородности институтов в анализе) при меньшей рефлексии методов и допущений (хотя, как было сказано ранее, и последние на практике все чаще подвергаются модификации). Естественно, предпочтение того или иного пути не может не носить субъективный характер; однако, исходя из традиционного понимания экономической науки как раздела общественных дисциплин (в противовес, скажем, психологии или прикладной статистике), направление развития, “стимулируемое” экономическим империализмом, нельзя не считать, как минимум, заслуживающим интереса.

“Внешний” империализм

Переходя к анализу экспансии экономической методологии за пределы традиционного сообщества экономистов, следует, прежде всего, договориться о том, а что, собственно говоря, можно считать примером “империализма” в данном случае. Вначале отмечу то, что империализмом *не* является. Нередко как пример экспансии экономической науки рассматривается использование количественных методов эмпирического анализа – эконометрики. Однако в данном случае ситуация несколько сложнее: теоретические эконометристы, хотя исторически и “оказались” частью экономических факультетов, на практике ближе к исследователям в области математической статистики, чем какой бы то ни было другой дисциплины (в том числе и самой экономики). По сути, теоретическая эконометрика представляет собой разработку определенного типа статистических методов, “качество” которых тестируется (как правило, но не всегда) с использованием экономических данных⁷. А статистика – очевидный (и неизбежный) источник *любых* количественных методов эмпирического анализа.

К тому же, во многих общественных науках существуют свои традиции применения количественных методов [Олейник, 2008]. Скажем, в политологии критика распространения экономического империализма (так называемое “движение перестройки” в Американской ассоциации политической науки) вызвала непонимание у большого числа исследователей, использующих методы статистики, но считающих себя наследниками не эконометрики, а бихевиористского поворота в политологии. Другое дело, что экономисты часто обладают более высоким “стандартом строгости” в применении количественных методов (скажем, уделяя большое внимание проблеме эндогенности данных – ситуации, когда причинно-следственная связь между переменными может идти “в обе стороны”), что, как я уже говорил, компенсирует недостаточно хорошее знание данных. Однако главным “судьей” качества методологии остается не экономика и не другие социальные науки, а статистика. Впрочем, отношения теории и эконометрики в экономической науке далеко не идиллические [Либман, 2008⁶].

Более того, в самой экономике критика теории рационального выбора часто связана с развитием количественных эмпирических методов: скажем, экономическая преодолела многие “аномальные” (с точки зрения мейнстрима экономики) явления в рядах финансовых данных за счет применения статистических закономерностей из физики

⁷ От теоретической эконометрики следует отличать эмпирические эконометрические исследования, направленные на использование эконометрических методов для тестирования предположений экономической теории и обнаружение новых закономерностей в экономических данных, то есть являющиеся неотъемлемой частью экономики как социальной науки.

[Keen, 2005]⁸. Стремление любой ценой найти в данных устойчивую статистическую закономерность сегодня называют уже в числе основных проблем данного исследовательского направления [Gallegati... 2006]. Так что и в этом случае необходимо быть осмотрительным при определении “экономического империализма”.

Наверное, классическим примером экономического империализма можно считать распространение методологии, основанной на концепциях оптимизации и поиска равновесий [Lazear, 2000], как способа *теоретизирования* (то есть построения моделей, которые впоследствии “тестируются” на реальных данных с использованием различных, в том числе и статистических, приемов) – скажем, моделей общего равновесия или теоретико-игровых подходов. Более “мягкой” формой экономического империализма можно считать заимствование описанных ранее основных принципов методологии рационального выбора в “вербальных” построениях и конструкциях исследователей различных дисциплин. Естественно, грань между “жестким” и “мягким” рациональным выбором зависит от определения “должного” уровня математизации, а оно варьируется от дисциплины к дисциплине. Между тем, идентифицировав таким образом основное содержание “внешнего” империализма экономической науки, мы можем рассмотреть его стимулирующее влияние на исследователей во внеэкономических научных сообществах.

Прежде всего распространение экономического империализма может стать мощным инструментом “преодоления” проблем дефицита данных и дефицита знаний о теоретических конструкциях других дисциплин “внутреннего” империализма. Империализм предполагает появление большого числа политологов, специалистов в области права и теории международных отношений, способных формулировать и представлять свои выводы и – что не менее важно – критиковать работы экономистов на “понятном” экономистам языке, но при этом прекрасно осведомленных о развитии собственной науки и хорошо владеющих эмпирическим материалом. В идеале экономисты и неэкономисты “интегрируются” в рамках единого рынка идей, как произошло с исследованиями общественного выбора в экономике и формальным подходом в политологии при возникновении в 1990-х гг. политической экономики [Либман, 2008^а].

К сожалению, не только проблемы “внутреннего” империализма, но и их “решение” на основе “внешнего” империализма носят преходящий характер. Нельзя забывать, что когнитивные способности исследователей по определению ограничены (как и когнитивные способности людей в целом). Иначе говоря, невозможно в равной степени хорошо освоить методы математического моделирования, приобрести знание институциональных деталей и разбираться в истории дисциплины. Создавая стимулы для усвоения аппарата экономической науки, империализм вливает на распространение “инвестиций” в получение той или иной подготовки. В результате при последовательном воздействии экономического империализма на то или иное научное сообщество, рано или поздно оно, по сути дела, превратится в подобие сформировавшихся уже в самой экономической науке сообществ “внутренних империалистов”, о которых я говорил ранее, – со всеми их преимуществами и недостатками.

Схожая ситуация и с третьей проблемой “внутреннего империализма” – неадекватностью методологии. Ограниченное на первом этапе проникновение экономических методов в смежные дисциплины создает прекрасное пространство для дискуссий и обсуждения соответствия методов исследуемым объектам – опять же, благодаря существованию “исследователей-переводчиков”, способных “дойти” и до сообщества экономистов. На сегодняшний день рефлексия относительно границ и возможностей теории рационального выбора, например, в политологии, гораздо более развита, чем в экономической науке, где использование “стандартного” инструментария воспринимается как само собой разумеющееся⁹. Естественно, в данном случае постепенная

⁸ В этом отношении экономисты ближе демографам и многим сторонникам применения количественных методов в исторической науке [Возможны... 2004], чем экономистам-неоклассикам.

⁹ В качестве примера можно обратиться к подборке статей восьми ведущих политологов в специальном номере журнала PS: Political Science and Politics [Symposium... 2002].

экспансия экономического империализма сводит на нет существующие преимущества. К тому же, если вспомнить, что выбор тем экономической методологии в эмпирике часто обусловлен доступностью данных, вполне возможно “смещение” тематики исследований и отказ от многих перспективных тем. И здесь, в отличие от “внутреннего” империализма, отсутствует “страховочный пояс” в виде исследований других дисциплин по той же тематике, но другими методами¹⁰. А следовательно, оптимальным можно считать “ограниченное проникновение” экономического империализма в другие дисциплины, что и имеет место на практике.

В завершение упомяну еще одну проблему экономического империализма в сопредельных науках: поскольку речь идет о радикальном изменении структуры стимулов для исследователей, империализм нередко сопровождается волной конфликтов за власть и влияние, носящих скорее политический, чем содержательный характер [Dryzek, 2002]. Естественно, “внутренний” империализм не может вызвать ничего подобного, хотя бы в силу того, что не подвергает сомнению существующую иерархию авторитетов в дисциплине. Между тем, рост политических конфликтов в науке представляет собой не что иное, как рост непроизводительных издержек, которого желательно было бы избежать.

Экономический империализм и междисциплинарность

Успех “внешнего” империализма экономической теории во многом зависит от специфики “осваиваемых” дисциплин. Некоторые науки об обществе определяют себя преимущественно по предмету исследования, для изучения которого допускаются любые методы (как правило, заимствованные из других дисциплин). Это характерно, например, для политической науки, теории международных отношений или “прикладных” дисциплин государственной политики и делового администрирования. Однако для других наук (в число которых входит сегодня и экономика) конституирующий признак – именно метод, а точнее – сочетание метода, определенного стиля аргументации и риторики, а также стандарта строгости. Именно эта особенность и сделала экономический империализм в принципе возможным. Правда, это же обстоятельство стало источником дополнительных проблем “внешнего” империализма, которые будут рассмотрены далее.

В подавляющем большинстве дискуссии о значимости и эффективности тех или иных методов – скажем, эконометрического анализа, лабораторных экспериментов и математического моделирования, или практически не встречающихся в экономике сегодня детального анализа текстов или “глубоких” интервью – ведутся с эпистемологических позиций. Однако, на мой взгляд, не менее важна и другая перспектива: различные индивиды, в зависимости от своих способностей и подготовки, с различной эффективностью применяют одни и те же методы [Либман, 2009]. Иначе говоря, селекция исследователей по дисциплинам во многом может восприниматься как процедура поиска “наиболее соответствующей” тому или иному индивиду методологии. Естественно, на практике ситуация заметно сложнее, но плюрализм методологий за счет множественности дисциплин делает такой отбор, позволяющий оптимальным образом использовать человеческий капитал в науке, принципиально возможным.

Экономический империализм делает пространство методологии однородным; следовательно, последовательное проникновение методов экономики в другие общественные науки постепенно сужает возможности для подобной селекции. Отмечу, что в данном случае опять же существуют принципиальные различия между “внутренним” и “внешним” империализмом: первый не затрагивает границы существующих научных сообществ, а соответственно, не препятствует сохранению методологического

¹⁰ Следует иметь в виду, что в последние годы доступ к количественным данным значительно улучшился, что, впрочем, также является фактором, способствующим как “внешнему”, так и “внутреннему” империализму.

разнообразия, в конечном счете, содействуя лишь расширению предмета исследования представителя одного конкретного сообщества. А вот “внешний” империализм в предельном случае пагубен для множественности методологий.

Что еще хуже, науки в экономике различаются и по определению самого *предмета* познания: скажем, в истории конкурируют подходы, которые можно назвать “историей структур” (интерпретация наблюдений с новой точки зрения) и “историей событий” (установление фактов) [Клейн, 2009]. В общественных науках теоретические конструкции могут строиться, следуя выражению И. Валлерстайна, в различных пространствах, например, во внеисторическом (“*eternal time-space*”), как в экономике, в привязанном к длительным циклам человеческой истории (“*structural time-space*”), как в теориях стадий развития, в том числе и формациях Маркса, или в связанном с конкретными событиями (“*episodic time-space*”), когда наука сводится к фиксации конкретных фактов и поиску взаимосвязей между ними без попыток обобщения [Wallerstein, 1991]. Описанное разнообразие необходимо для аккумуляции материала в науке – скажем, выявленные в одних дисциплинах конкретные факты служат “топливом” для исторических и внеисторических теорий (стоит вспомнить, сколько моделей экономистов имели “исходной точкой” конкретные примеры, выявленные историками), а последние создают “концептуальные рамки” для поиска и анализа фактов. Доминирование одной конкретной методологии сопровождается и доминированием конкретного понимания предмета познания (или, как минимум, появлением четкой “иерархии” приоритетов исследователей), то есть устраняет эту взаимосвязь.

Казалось бы, решением был бы “ограниченный” империализм, связанный со встречей методов различных дисциплин на “общей территории” и активной дискуссией между ними. Иначе говоря, речь идет об особом типе междисциплинарности – не интеграции дисциплин на базе общего метода, а своеобразной “межметодологической междисциплинарности” (или “интеграции лоскутного ковра” [Homann, Suchanek, 2000]). Именно поддержка такого подхода, насколько можно судить, лежит в основе “шенгенского проекта для социальных наук” Н. Розова [Розов, 2009]. Преимущества сотрудничества исследователей, обладающих навыками работы с различными методами и различным теоретическим багажом, едва ли подвергаются сомнению, и не случайно “междисциплинарные исследования” становятся сегодня едва ли не принудительным пунктом “повестки дня” большинства грантовых фондов (что вызывает яростное неприятие многих исследователей). Однако “межметодологическая междисциплинарность” связана и с некоторыми проблемами, которые не следовало бы забывать.

Дело в том, что задача научного сообщества состоит не только в содействии генерации нового знания и организации коммуникации, но и в неменьшей степени в *отборе* утверждений и результатов, предлагаемых исследователями. Основной организационный принцип науки состоит именно в отклонении *неверных* выводов, с неизбежностью возникающих в процессе работы ученых. Критерии истинности, опять же, остаются предметом длительных дискуссий в философии познания. Для нас же достаточно зафиксировать, что обычно научные сообщества в состоянии сформулировать определенный консенсус относительно “допустимых” и “недопустимых” доказательств. Отсутствие такого консенсуса чревато полной остановкой каких бы то ни было исследований реальности и доминированием беспрерывных “споров о методе”, тем более бесплодных, что ни одна методология не получает времени и должного числа сторонников для реальной апробации ее возможностей.

“Межметодологическая междисциплинарность”, по определению, делает отбор выводов и теорий крайне сложным. Замечая интересные (с той или иной точки зрения) выводы и результаты своего коллеги, исследователь не способен зафиксировать ошибки, неточности и натяжки с точки зрения использовавшейся для получения этих результатов методологии. Не случайно заимствование методов одних дисциплин другими (пример чего дает и “внешний” империализм экономической теории) нередко связано со множеством ошибок, упрощений и неточностей.

Ситуация, на самом деле, может оказаться еще более проблематичной. Представим себе, например, “междисциплинарную группу”, объединяющую представителей различных общественных наук для исследования конкретного региона мира или социального явления. Допустим, далее, что один из младших членов этой группы (аспирант или молодой ученый), представляющий, скажем, экономику, обсуждает с ее членами полученные им результаты. Как уже отмечалось, критика этих результатов едва ли будет связана с детальным анализом методов, поскольку они попросту незнакомы представителям других дисциплин. Если же методологическая дискуссия и начнется, она с высокой вероятностью выльется в фундаментальный спор, в котором быстро “потеряется” содержательный предмет исследования. В связи с этим с высокой вероятностью критика будет касаться фактов: знания конкретного региона или явления. А это, в свою очередь, не может не изменить структуру стимулов: исследователь будет стремиться сосредоточиться на получении детальных фактических знаний в ущерб теоретической или методологической подготовке. Легко представить себе, что эволюция этой группы приведет к появлению поколения ученых, прекрасно знающих “фактуру”, но не владеющих методами ее обработки, отличными от “здорового смысла”, а значит – немногим (кроме более тяжеловесного стиля публикаций) отличающихся, скажем, от журналистов, специализирующихся на этой теме.

Сказанное, естественно, не может стать аргументом в пользу полного отказа от междисциплинарной коммуникации и призыва замкнуться в отдельных “клетках” научных сообществ. Тем более что и у подобного “методологического пуризма” множество недостатков. Например, строящиеся объяснения нередко перестают удовлетворять “бритве Оккама” уже в силу стремления остаться в рамках конкретных предпосылок (даже в ситуациях, когда полученные результаты очевидно неверны) и плохо справляются с “аномалиями” в функционировании социальных институтов и индивидов, которые с точки зрения других подходов аномалиями вовсе не являются¹¹. Иногда фокусировка на конкретной, хорошо развитой методологии, приводит к смещению внимания в дискуссии на методы в ущерб постановке новых и интересных задач [Сабуров, 2008]. Поэтому, скорее, речь идет о необходимости осторожного отношения к “смешению методов”: междисциплинарная коммуникация обязательно должна дополняться критикой и отбором результатов в рамках отдельных дисциплин.

* * *

Подведу итоги. Экономический империализм как система изменений в структуре стимулов для исследователей сильно различается в зависимости от своей направленности на трансформацию самого сообщества экономистов или же на “сопредельные” дисциплинарные сообщества. “Внутренний” империализм неизбежен; его проблемы зачастую носят преходящий характер (хотя, возможно, и связаны с неэффективным использованием человеческих ресурсов), а во многом компенсируются позитивным воздействием на трансформацию самой экономической науки. Для “внешнего” империализма ситуация заметно сложнее, поскольку он содействует сокращению методологического разнообразия, необходимого в мире разнообразия когнитивных и не-когнитивных способностей исследователей и доступных им данных. В определенной степени решением является “ограниченный” империализм, основанный на активной дискуссии представителей различных методологий. Но подобная модель междисциплинарности, хотя и обладает очевидными преимуществами, связана и с серьезными недостатками, которые следует учитывать.

Естественно, проблемы “экономического империализма” не исчерпываются перечисленными. Скажем, в данной статье я не касался проблемы “идеологического сме-

¹¹ В экономической теории это нашло отражение в проблемах моделирования поведения с ограниченной рациональностью, а в эконометрической эмпирической методологии – в анализе влияния выделяющихся наблюдений на результаты регрессий [Taleb, 2008]. Впрочем, в последние два десятилетия обеим проблемам уделяется огромное внимание, и достигнут значительный прогресс.

шения” исследовательских стратегий отдельных дисциплин [Яновский, 2009], которая на самом деле является нетривиальной для общественнознания. Но некоторые выводы можно сделать и из моего анализа: потенциал экономического империализма будет использован в наибольшей степени, во-первых, при существовании крупных сообществ “империалистов”, неразрывно связанных с экономической наукой, но не “вытесняющих” альтернативные подходы в других дисциплинах, а во-вторых – при наличии интенсивной коммуникации между отраслями знания, не подменяющей собой жесткую конкуренцию и “отсев” результатов в каждом из научных сообществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балацкий Е.* Профессиональное сообщество экономистов – западная и российская модели // Вестник РАН. 2006. Т. 76. № 1.
- Вахштейн В.* Конец социологизма: перспективы социологии науки (www.polit.ru/lectures/2009/08/06/videon_vahstain.html).
- Гуриев С.М.* Три источника – три составные части “экономического империализма” // Общественные науки и современность. 2008. № 3.
- Гурова И.П.* История метода историко-экономической науки. Ульяновск, 1999.
- Гурова И.П.* Конкурирующие экономические теории. Ульяновск, 1998.
- Возможны ли математические модели в истории? // Общественные науки и современность. 2004. № 3.
- Клейн Л.* Упущенные открытия // Троицкий вариант. 2009. № 9.
- Либман А.М.* Научные сообщества и территориальная концентрация в экономической науке // Вопросы экономики. 2009. № 2.
- Либман А.М.* Политико-экономические исследования и современная экономическая теория. М., 2008^a.
- Либман А.М.* Теоретические и эмпирические исследования в современной экономике: проблемы коммуникации // Вопросы экономики. 2008^b. № 6.
- Олейник А.Н.* Расширенная версия теоремы Коуза и пределы “экономического империализма” // Общественные науки и современность. 2008. № 4.
- Олейнов А.Г.* Политический процесс сквозь призму экономической науки // Полис. 2009. № 4.
- Полетаев А.* Присутствие и отсутствие России в мировой экономической науке. Препринт ГУ-ВШЭ, WP6/2008/05. 2008.
- Радаев В.В.* Экономические империалисты наступают – что делать социологам? // Общественные науки и современность. 2008. № 6.
- Розов Н.С.* От дисциплинарного империализма – к Общественнознанию Без Границ (“Шенгенский” проект интеграции социальных наук) // Общественные науки и современность. 2009. № 3.
- Сабуров Е.Ф.* От дисциплинарного империализма к гедонистическому утилитаризму // Общественные науки и современность. 2008. № 6.
- Тамбовцев В.Л.* Перспективы “экономического империализма” // Общественные науки и современность. 2008. № 5.
- Урнов М.Ю.* “Экономический империализм” глазами политолога // Общественные науки и современность. 2009. № 4.
- Яновский К.Э.* Несколько примеров методологии, или “Экономистам не в чем каяться”! // Общественные науки и современность. 2009. № 2.
- Aspers P., Kohl S., Roine J., Wichardt P.* An Economic Sociological Look at Economics // Economic Sociology. 2008. Vol. 9. № 2.
- Bernheim B.D., Rangel A.* Beyond Revealed Preferences: Choice Theoretic Foundation for Behavioral Welfare Economics. NBER Working Paper № 13737. 2008.
- Blankart Ch.B.* Öffentliche Finanzen in der Demokratie. München, 2008.
- Dryzek J.S.* A Pox on Perestroika, a Hex on Hegemony: Toward a Critical Political Science (mimeo). 2002.
- Gallegati M., Keen S., Lux T., Ormerod P.* Worrying Trends in Econophysics // Physica A. 2006. Vol. 370.
- Hotann K., Suchanek A.* Ökonomie: Eine Einführung. Tübingen, 2000.
- Jacobsen K.* Perestroika in American Political Science // Post-Autistic Economics Review. 2005. № 32.

- Keen S.* New Trends in Finance: “Econophysics” (mimeo). 2005.
- Lawson D.M.C.* Gary Becker and the Quest for the Theory of Everything (mimeo). 2004.
- Lazear E.P.* Economic Imperialism // *Quarterly Journal of Economics*. 2000. Vol. 115. № 1.
- Marciano A.* Buchanan, Robbins and the Subject Matter of Economics: A Note on Limited Economic Imperialism (mimeo). 2007.
- Marciano A.* Buchanan’s Constitutional Political Economy: Exchange vs Choice in Economics and in Politics // *Constitutional Political Economy*. 2009. Vol. 20.
- Mas-Colell A., Whinston M.D., Green J.R.* *Microeconomic Theory*. Oxford, 1995.
- Moav O., Neeman Z.* Conspicuous Consumption, Human Capital and Poverty (mimeo). 2009.
- Read D.* Personal Utilitarianism: Multiple Selves and their Search for Good Life (mimeo). 2008.
- Robbins L.* *An Essay on the Nature and Significance of Economic Science*. London, 1945.
- Schneider G.* Wer hat Angst vor John Nash? Zum Stellenwert des Rational Choice-Ansatzes in Deutschland und Frankreich (mimeo). 2007.
- Schumpeter J.* *Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung*. Berlin, 2006.
- Symposium on “Shaking Things Up: Thoughts about the Future of Political Science” // *PS: Political Science and Politics*. 2002. Vol. 35. № 2.
- Taleb N.T.* *The Black Swan: the Impact of Highly Improbable Events*. London, 2008.
- Uhlen L.* *The Limits of Public Choice: a Sociological Critique of the Economic Theory of Politics*. London, 1995.
- Wallerstein I.* The Time of Space and the Space of Time: the Future of Social Science // *Political Geography*. 1991. Vol. 18. № 1.
- Wallerstein I.* *Unthinking Social Science: the Limits of Nineteenth-Century Paradigm*. Cambridge, 2001.

© А. Либман, 2010